

УДК 821.161.1-82'14

А.Г. Козлова, Я.В. Галаган

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Д. РАХЛИНОЙ

А.Г. Козлова, Я.В. Галаган

ПУШКІНСЬКА ТРАДИЦІЯ У ТВОРЧОСТІ М.Д. РАХЛІНОЇ

У статті аналізуються форми присутності пушкінської традиції на різних рівнях художньої структури ліричних творів харківської поетеси М.Д. Рахліної, визначається характер впливу особистості та творчої спадщини О.С. Пушкіна на естетичну систему поетеси.

***Ключові слова:** традиція, лірика, рецепція, тема, жанр, інтертекст, цитата, ремінісценція, алюзія, віршований розмір, ритм, рима.*

А.Г. Козлова, Я.В. Галаган

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Д. РАХЛИНОЙ

В статье анализируются формы присутствия пушкинской традиции на разных уровнях худо-

жественной структуры лирических произведений харьковской поэтессы М.Д. Рахлиной, определяется характер влияния личности и творчества Пушкина на эстетическую систему поэтессы.

Ключевые слова: традиция, лирика, рецепция, тема, жанр, интертекст, цитата, реминисценция, аллюзия, стихотворный размер, ритм, рифма.

A.G. Kozlova, Y.V. Galagan

THE PUSHKIN TRADITION IN M.D. RAHLINA'S WORKS

In this article the forms of the presence of the Pushkin tradition on the different levels of the artistic structure of M.D. Rahlina's lyrics are analysed, the nature of the influence of Pushkin's personality and his artwork on the poetess's aesthetic system is defined.

Key words: tradition, lyrics, reception, theme, genre, intertext, quotation, reminiscence, allusion, verse metre, rhythm, rhyme.

Одной из актуальных задач современного литературоведения является изучение литературных связей и особенностей использования традиций классической литературы в творчестве русских писателей и поэтов XX века. В связи с этим проблема пушкинской традиции, рецепции пушкинского творчества приобретает особую роль, так как именно Пушкин воспринимался литераторами XX века в качестве эталона, как воплощение самого духа творчества и русского национального искусства. Не случайно к проблеме использования пушкинской традиции в творчестве разных авторов обращались Н.В. Налегач [5], Н.А. Богомолов [1], Н.П. Лебедеко [3], Г.М. Темненко [15], Г.А. Можейко [4], А.В. Кулагин [2] и ряд других исследователей.

Цель данной статьи – охарактеризовать особенности воплощения пушкинской традиции в поэзии Марлены Давидовны Рахлиной, проследить разные формы рецепции пушкинского творчества на всех уровнях художественной структуры лирических произведений поэтессы.

Отношение Рахлиной к классическому наследию во многом определяет характер её творчества в целом. Сознательная ориентация на классическое наследие прошлого была для неё определенной внутренней потребностью. В художественном мире поэтессы особую роль приобретает пушкинская традиция, так как всю свою творческую жизнь она находила опору и поддержку именно в пушкинской эстетике. Для Рахлиной «Пушкин, в отличие от всех остальных русских поэтов, – «до всякого столетия»: у него начала характеров, тем, проблем, философии всей последующей нашей литературы» [14].

Поэт вошел в жизнь поэтессы уже с самого детства, которое она провела в воспитанном Пушкиным Петербурге. Позже Марлена напишет: «В те годы я поняла, какое место в моей жизни заняла русская поэзия. Благодаря счастливой случайности, мой вкус не был ничем испорчен, от Некрасова и А.К. Толстого я перешла сразу к Лермонтову и Пушкину, который был и остался моей самой большой любовью, и мое отношение к нему если и изменилось – то от интуитивного к сознательному. И

если я узнала и полюбила многих больших и маленьких поэтов, и старых, и современных – то все равно узнавала и любила их – через него же. Он был садом, они же все – цветами. И хотя есть много поэтов ближе него – и судьбами, и методом, и языком, все равно, Пушкин был и остается Основой и Залогом! Я не могла бы сказать: «каждая пометка – как своей рукой...», нет, у каждого – свои мастерские, свои пометки. Но всё это – «на фоне Пушкина». И вот – пройдут года, наши узоры потускнеют, а «фон» останется: нагие, единственные пушкинские слова» [13, с. 18].

Не случайно пушкинская тема занимает в поэзии Рахлиной особое место. Так, лирический сюжет стихотворения «В Пушкинском заповеднике» основывается на мотиве воображаемой встречи с Пушкиным, к которому обращались многие поэты XX века. Говоря о поэте, Рахлина использует написание местоимений Он, Его с большой буквы, тем самым утверждая отношение к Пушкину не как к собрату по перу, а как к божеству от Поэзии, как к «началу всех начал» в русской литературе:

Все свершилось очень просто
под сиянием Его.

Рощи строились по росту
для крещения своего.

Камни, корни, водопады,
песню, память и печаль –
всё назвал Он так, как надо:

Он, начало всех начал. [8, с. 35]

Первые строки прямо не именуют Пушкина «солнцем русской поэзии», но употребление существительного «сияние» не оставляет сомнений в использовании Рахлиной аллюзии, отсылающей к посмертной характеристике Пушкина В.Ф. Одоевским.

Впоследствии к мотиву воображаемой встречи с Пушкиным поэтесса вернется в стихотворении «Ну, что, брат Пушкин? ...», в котором поэт предстанет уже как её единомышленник, собрат по перу (не случайно Рахлина использует в обращении к Пушкину именование «брат»), с которым можно говорить с предельной открытостью, о са-

мом сокровенном:

Ну, что, брат Пушкин? – Так, брат, как-то всё...
То вкривь, то вкось, то впрямь – да ненароком
вращается Фортуны колесо:
к кому – спиной она, к кому-то – боком,
к кому-нибудь – немеркнувшим лицом... [7, с. 88]

В нашей культуре Пушкин был и остаётся символом свободы – свободы личной, творческой и политической. Таков он и в представлении поэтессы. Сама Рахлина никогда не изменяла высоким нравственным принципам, всегда была на стороне преследуемых режимом, всеми возможными способами вставала на их защиту. Власть, в свою очередь, изолировала её от широкого круга читателей, и поэтесса вынужденно начала писать стихи только для себя, так, как ей диктовала совесть, оставив надежду на то, что они будут опубликованы при жизни.

В стихотворении «За роскошью той новоханской» Рахлина описывает обыск квартиры боготворимого ею поэта Мандельштама. И совсем не случайно возникает в нём тема пушкинских стихов:

Но вот настигает охота,
и падает пушкинский стих
к разбитым ногам Дон-Кихота
сквозь пасти разверстые их... [9, с. 167]

Обращается Рахлина и к теме трагической гибели Пушкина. Известно, каким огромным потрясением стала она для современников поэта. Но боль, вызванная чувством утраты Пушкина, со временем не утихла, и Рахлина переживает гибель Пушкина на дуэли как свою личную трагедию: Эта жизнь, этот бред... о доколе, на самом-то деле? Я проснулась от боли, что Пушкин убит на дуэли... Два столетия почти с того клятого дня пролетели, но пойми, но прочти, но учти – он убит на дуэли! Его люди, и Бог, и жена, и друзья – не жалели, потому он и смог – от раздумий, тоски и веселья, от божественных строк – его жизни божественной цели, как пришел его срок – быть убитым на подлой дуэли. [7, с. 64]

В своей поэзии Рахлина часто обращается к темам, характерным для пушкинского творчества. Так, волновавшая её великого предшественника тема поэта и поэзии находит воплощение в целом ряде её произведений. Поэтесса касается таких аспектов этой темы, как раздвоенное существование поэта в мире обыденной действительности и в мире ночной мечты («Когда луна запела в полный голос...», «Ночь», «Поэзия», «Все пропели петухи», «Робость», «Всю ночь душа моя...», «Третий час уже – но мне не спится...», «Непоклонная, крутая...»); поэтический дар как «тяжесть тяжелая» («Чаша», «Предчувствие», «Двойник», «Ах, друг мой Вася!..», «Стихи мои, как вы мне дома надоели!»); Пушкин как, безусловно, самый великий поэт («В Пушкинском заповеднике»);

поэт-пророк («Гроза»); поэт и толпа («Сказка с диалогом»); поэзия как божество («Зачем, зачем молчит твой скромный дар...», «Слова, слова, слова... Да где они, да что они?»); поэт как гражданин (активное участие в общественной жизни или уход в спокойную, частную жизнь) («Дорога к дому», «Мой праздник», «Поэт и гражданин начальник», «В этот час», «Политикам», «Не верь, не бойся, не проси!», «Когда мы будем счастливы улыбкой...»). По существу, Рахлина решает тему поэта и поэзии именно так, как её решали в свое время и Пушкин, и многие другие русские поэты: долг поэта состоит в том, чтобы служить своему народу, обществу, и, когда возникает необходимость выбора между личным счастьем и общественным благом, поэт, безусловно, обязан выбрать путь гражданина.

Обращаясь вслед за Пушкиным к теме судьбы поэта, Рахлина высказывает созвучную ему мысль о том, что стихи делают поэта бессмертным:

И, может, так и нужно наперед,
чтоб жизнь была полна, а смерть – кровава,
и тех, кто мутен был, забвенью ждет,
а тех, кто точен был, венчает слава. [7, с. 89]

Стихотворчество для Рахлиной – образ жизни, без него она просто не мыслила своего существования, в чем откровенно признавалась: «Когда я их (стихи – А.К., Я.Г.) пишу, у меня такое чувство, что мне их диктуют».

Вы знаете, как я пишу стихи?
Вы знаете, на улице темно,
а у меня – досуг и вдохновенье!
Сейчас оно придёт, моё мгновенье,
запрыгнет в форточку через окно,
и понесутся вскачь мои стихи! [11, с. 28]

Приведенный отрывок содержит пушкинскую аллюзию. Сразу вспоминаются пушкинские строки: «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, / Минута – и стихи свободно потекут!»

Рахлиной близок характерный для Пушкина оптимизм, умение радоваться жизни, осознание ценности каждого мгновения бытия, готовность воспеть его:

Зимний полдень, вечер летний
И весенний птичий гам –
Каждый день, как день последний,
Подношу к своим губам. [8, с. 52]

Пушкинское начало ощутимо и в обращении Рахлиной к теме любви как основополагающей ценности бытия, высшему божественному дару, созидающему началу, основе жизни. Можно с уверенностью утверждать, что именно любовь является движущей силой поэзии Рахлиной, а тема любви – центральной темой её творчества. Во вступительной статье к сборнику стихов Рахлиной Б.А. Чичибабин писал, что стихотворение «Одна любовь» является «программой всей жизни поэта» [9, с. 3]:

Одна любовь – и больше ничего,
одна любовь – и ничего не надо.
Что в мире лучше любящего взгляда?

Какая власть? Какое торжество? [7, с. 84]

Большое место в поэзии Рахлиной, как и в пушкинском творчестве, занимает тема дружбы. Трудно переоценить ту роль, которую играло общение талантливых современников в советскую эпоху. Духовное единение, к которому испокон веков стремилась русская культура, нашло свое воплощение в свободном поэтическом союзе людей, для которых общение явилось идеальной формой бытия, составляло содержание их жизни. Отсюда – богатая дружеская переписка, взаимные отклики поэтов на произведения друг друга, литературная полемика, поэтические диалоги. Перу Рахлиной принадлежат многочисленные стихотворные послания друзьям и любимым Учителям – Пушкину, Лермонтову, Давиду Самойлову, Маргарите Алигер, Булату Окуджаве, Анне Ахматовой, Василию Стусу, Марине Цветаевой, Борису Чичибабину и другим.

В поэзии Рахлиной особую роль приобретает пушкинский интертекст. Поэтесса активно использует различные его формы – цитаты, реминисценции, аллюзии. Примером использования прямого цитирования могут служить строки из пушкинских текстов, выполняющие роль эпиграфа к произведениям Рахлиной («Мне грустно и легко», «Жил на свете рыцарь бедный»). В то же время включение эпиграфов из пушкинских произведений свидетельствует, главным образом, лишь об общности темы, а не о совпадении в её интерпретации.

Пушкинская строка «Жил на свете рыцарь бедный» появляется в рахлинском тексте «Из стихов Алтуняну», определяя стихотворный размер и ритм произведения. Однако романтический образ «бедного рыцаря» Рахлина наполняет новым содержанием:

Как таинственен путь над бездной
через дым и сквозь туман...

Жил на свете рыцарь бедный,
рыцарь Генрих Алтунян. [9, с. 195]

Еще один пример прямого цитирования пушкинских строк находим мы в стихотворении «Под голубыми небесами»:

Под голубыми небесами
Шумишь зелеными лесами,
Блестишь водой, сверкаешь льдом,
Людским украшена трудом. [8, с. 6]

Строка «Под голубыми небесами» отсылает к стихотворению Пушкина «Зимнее утро»: «Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...» и, как и в предыдущем примере, задаёт стихотворный размер рахлинского текста.

Использование Рахлиной пушкинской тра-

диции обнаруживается и на уровне художественных средств. Близость языка поэзии Рахлиной к языку поэзии Пушкина определяется сходством некоторых стилистических задач, которые в разное время стояли перед обоими поэтами. В творчестве Рахлиной, как и в поэзии Пушкина, каждое отдельное слово приобретает особый смысл. Осознавая эту общность, поэтесса восклицает:

Я ж знаю, как Пушкин,
что значат слова... [10, с. 66]

Идя вслед за Пушкиным, Рахлина сознательно стремится к естественности и простоте поэзии, соединяя её с глубиной философского содержания.

Но не только фразы и слова являются для Рахлиной знаками, отсылающими читателя к пушкинскому тексту. В едином интертексте печать изначального авторства Пушкина несут стихотворный размер, ритм, рифма, строфа и многое другое. Общеизвестен факт, что Пушкин – ямбический поэт. Рахлина не только воспекает, но и воспроизводит мажорный четырёхстопный ямб в стихотворении «Гимн ямбу»:

Ты нам историей завещан,
Урок отцовский сыновьям,
Свободный дух, живой и вещей,
Оружье славы, гордый ямб. [6, с. 33]

Лирика Рахлиной, в отличие от пушкинской, не выходит за границы малой формы. Поэтесса обращается к таким жанрам, как ода, гимн, сонет, песня, баллада, послание и некоторые другие. Неизданным остался роман в стихах «Филфак», который Рахлина посчитала недостойным публикации.

Обращает на себя внимание эмоциональная и смысловая насыщенность поэзии Рахлиной. Язык её произведений постоянно обогащался за счет ресурсов живого разговорного языка. Поэтесса не стыдится включать в свои творения простонародные слова и выражения, считая естественным, что простые понятия должны выражаться простым языком. Подобно Пушкину, Рахлина использует приём социально-речевой характеристики персонажей, широко употребляет разговорные слова и выражения: *колобродить, рядить, ладком да мирком, авоська, барыш, чур-чур, гикнуть, отчекрыжить, дура из дур, задом наперед, ё-мое, стоять на ушах, держать морковкой (пистолетом) хвост, поминай как звали* и др.

Установка на разговорную речь, особенно в тех случаях, когда стихотворение строится как обращение или письмо к другу, знакомым и т. д. приводит к частому использованию риторических фигур (обращений, восклицаний, вопросов), что является еще одной особенностью языка обоих поэтов:

Не просила, чтоб рожали,
не кричала: «Дайте жизнь!»

Темень тёмную разжали,
дух вдохнули, сердце вжали,
записали на скрижали
и сказали: «Ну, держись!» [9, с. 11]

Для языка поэзии Рахлиной, как и её великого предшественника Пушкина, характерно активное использование различных видов повтора, в первую очередь, лексического и корневого, в основном в функции усиления выразительности высказывания: *На печальные поляны льет печально свет она; Минутной радости минутные друзья...* (А.С. Пушкин); *и при этом я – ни насколечко, ни вполсколечка не в ответе!; И под конец, конец почувя, такую усталь, что не встать...* (М.Д. Рахлина) (подчёркнуто нами – А.К., Я.Г.).

Так же, как и Пушкин, Рахлина часто под видом легкой шутки, усмешки, иронии маскирует серьезное высказывание, глубокое переживание:

Мне грустно, как всегда, и, как всегда, легко.
Я, видно, как всегда, пашу неглубоко,
и, видно, как всегда, тревожусь не о том,
и, как всегда, кипит, сбегая, суп с котом...

[12, с. 70]

Заметен интерес Рахлиной к столь любимому Пушкиным фольклору, в первую очередь, к пословицам и поговоркам. Их использование в поэтической речи усиливает не только её выразительность, но и смысловую наполненность, помогает более лаконично сформулировать мысль. Иногда пословицы и поговорки цитируются точно (например, *ни кола ни двора*), но чаще поэтесса прибегает к их творческой переработке: *прикупить кота в мешке; ночью все кошки серы; Мягко я стелюсь, хоть спать-то жестко...; жизнь наводит тень да на плетень...; дыра от бублика да суп с котом...*

Т.С. Элиот, определяя критерии ценности индивидуального таланта на фоне культурной традиции, высказывает мнение, что «значение художника, его оценка устанавливаются, если выяснить, как созданное им соотносится с творениями ушедших художников и поэтов» [16, с. 159]. В данном случае правомерно говорить об освоении поэтессой различных литературно-эстетических традиций, среди которых пушкинской принадлежит, несомненно, главная роль. Присутствие пушкинской традиции отмечается на всех уровнях художественной структуры стихотворений поэтессы: жанровом, образно-тематическом, ритмико-композиционном и стилистическом. В то же время, высоко ценя Пушкина, считая его творчество эталоном, Рахлина никогда не подражает ему прямо. Являясь хранительницей и своего рода преемницей завещанных Пушкиным национального духа и системы ценностей, используя свой собственный жизненный опыт, поэтесса создала узнаваемую само-

бытную лирику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Н. А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике Владислава Ходасевича / Н. А. Богомолов // Пушкинские чтения : Сборник статей. – Таллинн, 1990. – С. 167–181.
2. Кулагин А. В. Бесы и Моцарт. Пушкинские мотивы в поздней лирике Владимира Высоцкого / А. В. Кулагин // Литературное обозрение. – 1993. – № 3–4. – С. 22–25.
3. Лебеденко Н. П. О. С. Пушкин в эстетичных концепциях российских символистов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.01.02 «Российская литература» / Н. П. Лебеденко – К., 1999. – 30 с.
4. Можейко Г. А. Ахматова – пушкинист : Принципы прочтения текста : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Можейко Галина Николаевна – М., 2006. – 217 с.
5. Налегач Н. В. Пушкинская традиция в поэзии И. Анненского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.02 «Российская литература» [Электронный ресурс] / Н. В. Налегач. – Режим доступа: http://annensky.lib.ru/names/nalegach/nalegach_akd.htm
6. Рахлина М. Д. Дом для людей / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Прапор, 1965. – 39 с.
7. Рахлина М. Д. Другу в поколение / Марлена Давидовна Рахлина. – М. : Весть-ВИМО, 1994. – 111 с.
8. Рахлина М. Д. Маятник / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Прапор, 1968. – 75 с.
9. Рахлина М. Д. Надежда / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Прометей, 1990. – 135 с.
10. Рахлина М. Д. Потерявшиеся стихи / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Фолио, 1996. – 177 с.
11. Рахлина М. Д. Прозрачные слова / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Права людини, 2008. – 124 с.
12. Рахлина М. Д. Чаша / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Фолио, 2001. – 112 с.
13. Рахлина М. Д. Что было – видали... / Марлена Давидовна Рахлина. – Х. : Права людини, 2006. – 124 с.
14. Рахлина М. Д. Три эссе [Электронный ресурс] / Марлена Рахлина. – Режим доступа: <http://www.trediakovsky.ru/content/view/124/33/1/3/>
15. Темненко Г. М. Пушкинские традиции в творчестве А. Ахматовой : Дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : 10.01.02 / Темненко Галина Михайловна – М., 1997. – 194 с.
16. Элиот Т. С. Назначение поэзии / Томас Стернз Элиот. – М. : ЗАО «Совершенство», 1997. – 350 с.